„Аз есмь риторика доброглаголиваго и яснозрительнаго разумения. Мною грамматика исполняется и диалектика украшается.

„Сими учении витийскую мудрость составляти научаю и благословесная речения ясноглаголателно вещати вразумляю.

„Мною пространное разумение сокращается, сокровенное ясно глаголется и ясное паки или явное сокровенно вещается. От мене мнози ритори и ветия нарицаются и к высокому царю наставляются; понеже коеждо разумение разделенное собирати вразумляю, многоразличие совокупляю и в совокупление многое разумение показую. Аз словесным мужем паче в речении силу подаваю и светлоречием украшаю; и в пременении словес приточными речении и многоразличными преложении умудряю; и знамения и судебныя окружения и истинну и в противлении познание и изящное разумение и прочая разсуждения многомудреными разумении указую. И сего ради мнози вотще покушаются разумети моя пределы, зане в косненых и нерадивых едва вмещение бывает моему высокому указанию и различеству и собранию".

Третье дополнение к Риторике содержится в списке Синодальной библиотеки № 933. Называется оно „О Ритории похвала и сказание". Основной текст этого списка, как мы указали выше, был написан в 1620 г. Что же касается данного дополнения, то оно было сочинено составителем сборника, в который входит Риторика, новгородским книжником Иваном Козыревым в 1640 г. Оно также написано от лица Риторики. В нем имеется весьма любопытное косвенное указание на то, как наука о красноречии прививалась у нас в России в начале XVII в.

Риторика говорит вначале о том, что ее „зрят мнози", но тут же жалуется и на недостаточное внимание к ней. Так как в России эта наука была новой, то автор данной „похвалы" старается далее разъяснить читателю все достоинства ее и показать, какую она может принести реальную пользу в жизни. С точки зрения пропаганды Риторики, эта „похвала и сказание" о ней представляет весьма интересный документ. Приводим его полностью.

„О Ритории похвала и сказание

Зрят мя убо мнози и не внимают о мне. Аз же яко приятель есмь мудр и благ, иже всех добротою люблю, и в лепоту желания моего всех призываю, и всем по существу има случаю, но вы своея мене честныя науки удаляетеся и навыкнути мене не желаете. Сего ради и нечаянием моего учения или пристроением некако обычнаго ми права по естеству, яко же лепо бывает, но простии умышлением аки некоим глумлением ко мне всегда присвояетеся, понеже везде и всегда еже пишете и глаголете, то все мною свершаете и украшаете и удобно мнительством сотворяете, и егда что в писменех или в стихов или